

ИГОРЬ ТЕРЕХОВ

Пригородный поезд

КОРОТКАЯ И СВЕРХКОРОТКАЯ
ПРОЗА

Игорь Терехов

**Пригородный поезд. Короткая
и сверхкороткая проза**

«Издательские решения»

Терехов И.

Пригородный поезд. Короткая и сверхкороткая проза /
И. Терехов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900743-8

Представленная в новой книге писателя «малая проза» — короткие рассказы, новеллы, арабески, стихотворения в прозе, этюды, эссе, фрагменты и удетероны — при внешнем разнообразии выдержана в едином стиле. «Жизнь современной эпохи, её мысли и чувства далёкие потомки будут изучать не только по фантазмагориям В. Пелевина, взрывным романам А. Проханова, „новому реализму“ Э. Прилепина, С. Шаргунова, но и по „прозе малых форм“ Игоря Терехова», — писал еженедельник «Литературная Россия» (№27, 2011 г.).

ISBN 978-5-44-900743-8

© Терехов И.
© Издательские решения

Содержание

Весточки с небес и с земли	6
Страницы прошлого листая	16
Река времён	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пригородный поезд Короткая и сверхкороткая проза

Игорь Терехов

© Игорь Терехов, 2017

ISBN 978-5-4490-0743-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весточки с небес и с земли

МАМА И БОГ

Бывали дни, когда ты не думал о Боге. Но не было дня, чтобы ты не думал о маме. И не вспоминал о ней. Особенно теперь, когда она ушла от вас в Элизиум.

ОН ТОЖЕ БАЛУЕТСЯ СТИШКАМИ

Любовь – любимое стихотворение Бога. А люди – свободно перемещающиеся в пространстве носители информации, на которых Создатель пишет свои стихи.

В иных своих творениях Он, правда, вымарывает многие предложения, сладкозвучные рифмы, чем-то не понравившиеся Ему строки, а то и целые строфы, и порой остаются только одни вычеркивания, кляксы, темные пятна или какие-то нелепые разводы от небесных чернил.

ЗЕМНЫЕ МУКИ

Разве сравнятся те адские муки, что уготованы нам на небесах, с ежедневными ужасами, страданиями и кошмарами, что мы постоянно испытываем здесь и сейчас, на земле, в современной России?

Бесенятам не хватает фантазии, вероломства и подлости, что в избытке демонстрируют окружающие нас так называемые приличные люди, особенно если они наделены хоть какой-нибудь властью. Тем более, сейчас, когда капитализм раздирает на части и пожирает страну мечтателей и богоискателей, а Мамона заслонила Христа и Магомета в сознании дорогих россиян.

НЕСОВЕРШЕНТСТВО МИРА

О несовершенстве этого мира всякий раз задумываешься по утрам, когда видишь из окна своей комнаты немолодого мужчину в шляпе и распахнутом длиннополом пальто, мастурбирующего возле детского сада.

Сколь далек должен быть от идеала его мир, если немолодому человеку приходится с помощью собственной длани достигать нехитрого блаженства, чтобы хоть немного гармонизировать окружающую его действительность.

«Если бы еще поглаживанием живота можно было удовлетворять голод», – говорил обычно античный философ Диоген, сам не чуждый подобного рода публичным акциям.

СВОБОДА КАК ЛИЧНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ

К свободе, как и к тюрьме, долго привыкаешь. Свобода – это возможность самому принимать судьбоносные для себя решения.

В молодости в стране провозглашенного всеобщего счастья тебя мучил вопрос о его сущности, мимолетности и переменчивости. Твои рабочие тетради тех лет пестрят сотнями определений счастья. А теперь тебя больше занимает проблема свободы.

Особенно в последние годы, когда ты наблюдаешь как молодые люди, едва ступившие на жизненную стезю, легко расстаются с личной свободой ради возможности ежедневно пользоваться кредитной карточкой, разъезжать по городу на дорогой иномарке, прислуживать за обедом начальству или получать мелкие преференции от финансовых воротил.

В стране провозглашенной свободы совершенно обесценилось то, за что мы боролись с тоталитаризмом.

ДУХИ «КРАСНАЯ МОСКВА»

На тумбочке одного из книжных шкапов рядом со стопками новых, еще не прочитанных книг стоят старые мамины духи «Красная Москва». Скоро будет пять лет, как нет уже мамы, а у тебя не поднимаются руки выбросить красную коробочку с наполовину пустым, но все еще душистым флаконом в виде кремлевской башни.

Стоит только открыть футляр духов, как их горьковато-сладкий запах сразу вызывает в памяти картины ушедшей поры. Вот улыбающаяся молодая мама в новом демисезонном пальто выходит из дверей швейного ателье в 58-м квартале Ангарска.

А вот уже на Кавказе несколько постаревшая мама провожает тебя на поезд до Ленинграда, где ты тогда учился в университете. Она протягивает тебе в дорогу сверток с домашней снедью, а ты, как всегда, выговариваешь ей, что это, мол, лишнее, в поезде есть прекрасный вагон-ресторан. А потом в дороге вместе со случайными попутчиками за обе щеки уплетаешь ее пирожки и жаренную курицу.

Тут же один из последних, связанных с мамой, всплохов памяти. Вы с друзьями пришли поздравить ее с днем Победы. Кто-то попросил маму надеть медали. Она не любит их носить, но все же соглашается приколоть к летнему пиджачку только что полученную последнюю награду. Ты обнимаешь ее. И это запечатлевается навечно в памяти – весна, огромный букет персидской сирени и мама с медалью к 60-летию Победы над Германией.

Запах духов «Красная Москва» – одна из тех нитей, которые связывают тебя с матерью, детством, Родиной. Разве можно оборвать эти нити?

О БЕДНОМ МИШЕЛЕ

Во все времена найдутся борзописцы, которые ради минутной копеечной даже не славы, а известности перескажут грязную сплетню об ушедшем в мир иной мятушемся твоим собрате.

Какой-то окололитературный пэтэушник на страницах литературного еженедельника пересказывает старую грязную сплетню о несчастном Мишеле. И пересказывает ее для таких же, как он сам, образованцев, скорее всего не по своей низости или зависти к более удачливому литератору, чем в большинстве случаев продиктованы подобные пассажи, а по глупости, горя желанием, как всякий неопит, приоткрыть завесу над якобы тайной роковой дуэли под Машуком.

А ты, прочитав все это, не спишь всю ночь, вышиваешь крестиком своими шагами ковер на полу комнаты, перекладываешь книги на столе, бубнишь про Висковатова, которого надо издавать миллионными тиражами, а не этого пустослова Андроникова, плачешь, размазывая по щекам слезы. Потом выходишь на балкон, смотришь сквозь голые ветви старой липы на звезды, и шепчешь молитву об упокоении души бедного Мишеля.

Казалось бы, какое тебе дело до поручика Тенгинского полка, погибшего от пули армейского майора за столетие с небольшим до твоего рождения?

Почему тебя так задевает клевета по отношению к великому поэту, который своими сочинениями может сам за себя постоять?

Да, потому что в твоих жилах течет его литературная кровь, перемешанная с арапской кровью другого твоего литературного предка.

От гигантской прадедовской библиотеки за время долгих сибирских скитаний твоей семьи сохранилось только две книги – дореволюционные огромные однотомники Пушкина и Лермонтова. И они были переданы тебе в наследство, как главное семейное богатство.

ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

Если умело поставить освещение, то тень от карлика может показаться больше фигуры богатыря. По такому принципу устроено все нынешнее российское телевидение.

Мастера театра теней с упоением погружают население одной шестой (или уже одной десятой?) части суши в сумерки духовного средневековья. А чтобы придать респектабельность процессу одурманивания православного народа, они объявляют себя академиками и награждают наиболее рысистых скакунов по трясине смефуечков и рытвинам советского периода истории статуэтками «Тэффи».

ХРУПКОСТЬ УТРА

Во время болезни особо остро чувствуешь хрупкость и незащищенность утра. Хочется укутать его одеялом, напоить чаем с медом и спрятать у себя на диване. Может быть, таким образом удастся отстранить его от гулких шагов рабочих скотобойни, волосатых рук оценщиков краденного, самодовольных улыбок менял и процентщиков, и жалких обещаний пустых женщин.

СОВЕТЫ САДОВОДУ

Прежде чем разбивать свой сад, не ленись, узнай, кому раньше принадлежала земля, на которой планируешь выращивать деревья и цветы. От этого во многом зависит, будут ли плоды успешно созревать или все растения засохнут, не смотря на потраченный честный труд.

ВЕСТОЧКА С НЕБА

Целую осень не было ни от кого весточки – ни от друга, ни от врага, ни от постороннего наблюдателя, ни от третейского судьи. Ни почтовой, ни пиксельной, ни звуковой или голубиной.

Часто тебе бывало более одиноко, чем Гёльдерлину, и более неуютно в оболочке собственного тела, чем самому Чорану. Но ты все-таки не сошел с ума! Дождался зимы.

И теперь за все свои муки, переживания и бессонницы вознагражден королевским снегопадом!

Это Господь возвращает тебе твои слезы! Он подает весть, что ты – не одинок, не безумен и не столь незащищен, как кажется опекунскому совету вашего муниципалитета.

ДЕРЕВО НА БУЛЬВАРЕ

Начинается всё с малого – порой забываются некоторые слова. Потом путаются буквы в словах, вылетают из памяти сперва первые буквы, затем вторые, третьи, четвертые. Стираются в памяти лица, фамилии, телефонные книги, справочники садовода-любителя, книжные каталоги и даже карты вин.

А в завершении процесса вы стоите на улице и спрашиваете у прохожих, не знают ли они, как вас зовут, и где вы живете. Хорошо еще, если вас вспомнят по газетным и журнальным фотографиям или по телевизионным выступлениям. Тогда могут даже отвезти домой, или вызвать по телефону опекуна. А так – так и будете часами стоять на бульваре в промозглой ноябрьской сырости. Как какое-нибудь экзотическое дерево.

Поэтому умные люди, не нам с вами чета, советуют чаще мелькать в масс-медиа, чтобы хоть кто-то запомнил вас в лицо.

ОСКОЛКИ ЗЕРКАЛА

Одной из последних книг американского поэта Уильяма Карлоса Уильямса стала книга записей разговоров с собственной матерью «Да, миссис Уильямс».

Ты подобную книгу бесед с Нилочкой не написал. И теперь уже не напишешь никогда. Только осколки ваших долгих вечерних разговоров разбросаны в твоих многочисленных рабочих тетрадях. Но из осколков не собрать зеркала. И это тоже повод для твоей неизбывной вне-сезонной тоски.

УЖАС ИСТОРИИ

Ужас человеческой истории не в том, что люди своими трудами создают Освенцим или Хиросиму, но в том, что они быстро забывают об этом. Уже через столетие только историки будут помнить о концентрационных лагерях, последствиях применения атомной бомбы, массовых казнях и репрессиях гражданского населения. Потом новые злодеяния затмят в глазах современников ужасы истории.

ОСЕННИЙ АЭРОДРОМ

Осень всегда напоминает аэродром. Огромный, продуваемый всеми ветрами, серебристый аэродром.

Наблюдая за трепещущими на деревьях последними листочками, ты видишь сигнальные флажки на краю летного поля. А проплывающие над головой жемчужные облака кажутся аэростатами или зондами, которые запускают, чтобы узнать направление атмосферных воздушных потоков.

Ты стоишь в теплых ботинках, прорезиненном дождевике и непрременной кепке перед терминалом №1, откуда можно улететь в любом направлении. Кто-то улетит в зиму, кто-то дальним рейсом, без пересадок, попадет сразу в весну или лето, кто-то – в смерть, а некоторые даже в бессмертие. А ты на долгие месяцы отправляешься на архипелаг поэзии, философии, старых книг и молодого вина.

МИМОЛЕТНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Ему тогда было семнадцать, и у него уже была девушка. Они даже несколько раз факались, как тогда говорили. Когда он уезжал на соревнования, она писала ему письма. Писала, что так его любит, что готова зацеловать всеми своими губами.

Он показывал тебе эти письма и, тыкая пальцем в ее признания, громко хохотал. Тебя била дрожь, когда ты читал эти строки. Ты ему ужасно завидовал. Тебе было четырнадцать.

ГДЕ ТЫ, ПОЭТ?

Если ты не пишешь, не пьешь местное фалернское с Толиком и Федотычем и не ковыряешься в девчонках, то ты читаешь стихи. В тонких сборничках и толстых фолиантах, еженедельных газетах и специализированных журналах, рукописях или электронных хранилищах всевозможных текстов, не говоря уже о рифмованных сочинениях на столбах, в кабинках общественных туалетов и даже в таких отходах полиграфии, как местные республиканские газеты.

И что же ты там видишь? Что поражает тебя? Что заставляет метать диатрибы в пустоту глухого к красоте и правде пространства?

Вовсе не то, что в современной РосФедеи (Эрефеи, напишет в эмиграции Н. Боков) появились сотни тысяч поэтов. Цифрами тебя не запугать, ведь, ты помнишь, что еще в Союзе писателей Германии времен Гёте и Шиллера состояло более десяти тысяч литераторов. И то, что большинство из нынешних пиитов соревнуется с Пастернаком или Бродским, тоже не так страшно. Хотя, как писал покойный поэт Александр Миронов, «всё, что можно сказать на языке овощей, давно написал пастернак». И даже то, что все они скрупулезно копаются в своих маленьких житейских переживаниях, тратят божественные глаголы на описания ежедневных отправлений организма, будь то любовь, слезы, наслаждение окрестными ландшафтами и прочее, или посредством стихов шлют письма к Богу, забывая, что Он не умеет читать, тебя тоже не очень расстраивает. Ты уже привык снисходительно относиться к людским слабостям и порокам, если они только не корреспондируются с наиболее суровыми статьями Уголовного кодекса.

А вот то, что ты годами, десятилетиями, прошедшими после падения Берлинской стены, не находишь среди прочитанного ни строфы гражданской лирики, революционной поэзии, поэтических дневников и манифестов борьбы с глобализмом, милитаризмом, дичайшими формами капитализма, это вызывает у тебя не только недоумение, но и большую тревогу.

Нет, конечно, порой встретишь стихи, скажем, Владимира Кострова, недавно ушедшего на небеса Егора Исаева или неповторимой Юнны Мориц. Но это все прекрасные динозавры ушедшей эпохи.

А где молодые, красивые, двадцатидвухлетние? Или тридцатилетние? Ну, хотя бы сорокалетние поэты?

Тебе говорят: а Всеволод Емелин, Андрей Родионов, тот же Дима Быков с его «Гражданином поэтом»? Вежливо отвечаешь: простите, но это всего лишь буржуазный кафе-шантан, разрешенная литература, поэтический «Аншлаг». А где ворованный воздух? Где настоящая литература протеста?

В стране Некрасова, Маяковского, Твардовского уже более двадцати лет вакантно место гражданского поэта! И не видно желающих занять его!

Неужели буржуазцы уже успели всех русских поэтов обратить в свою веру?

Ты не можешь в это поверить! Кричишь, ругаешься, размазываешь слезы по щекам, стучишь кулаком по столу, а Толик с Федотычем (кстати, отличные компьютерщики, а не те, что вы могли подумать) тебя успокаивают: «Все образуется! Успокойся! Не такая уж Россия глупая страна! И вообще скоро весна! Будем шашлыки на природе жарить!».

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Мне совсем неинтересно, кто на каком языке говорит. Мне интересно, какие стихи они на нем пишут, какие тосты произносят за столом, какие молитвы возносят к Господу.

ПОЧТИ ПО ЛЕНИНУ

Осенью жил скромно, как Ленин: читал, писал, пил пиво по субботам. Но в отличие от Ильича пиво пил с водочкой, и не бегал к Инесске.

А главное – не подзуживал рабочих к восстанию и не раздувал пожар мировой революции. Но если честно, порой этого очень хотелось, особенно после просмотра итоговых выпусков теленовостей.

РАЗГОВОР НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Они говорят: «Извини, старик, – бизнес, ничего личного!». И действительно, ничего личного, только прибыль, проценты, нажива. Никакой благотворительности, спонсорства, поддержки наук и искусства, общественных инициатив.

А мы говорим: «Все личное, все пережитое – поэзия, музыка, живопись, театр. И все для всех и каждого! Подходите, берите, читайте, смотрите, слушайте, наслаждайтесь, радуйтесь».

О чем мы можем с ними договориться? Как с ними разговаривать, если говорим на совершенно разных языках?

ДОБРОЕ СЛОВО

На любое доброе слово, маленький знак внимания, нехитрый гостинец или случайную ласку ты откликнулся целым водопадом благодарственных речей, восторженными стихами, готовностью свернуть горы ради доброго человека или потоками слез умиления.

В такие минуты ты сам себе напоминал старого потрепанного ворона с соседнего двора. Он зимой откликается даже на кличку Клара Ивановна, если ему выносят заплесневелую корочку хлеба. Хотя зовут его Эдгаром.

ПЫЛЬ ВЕКОВ

Уже почти никто не помнит легендарных летчиков – Байдукова, Леваневского, Коккинаки, первых героев-авиаторов советской Атлантиды. Да, что – летчиков, космонавтов, за исключением, может быть, Гагарина и Терешковой, уже не вспомнят!

А имена возниц царских колесниц или капитанов кораблей, плывущих к Трое, человечество запомнило навсегда. Потому что их упомянул в своих поэмах Гомер.

Все уйдет, все исчезнет, растворится в тумане времени, не сохранится даже в архивах, став кабинетной пылью. Бессмертно только то, что запечатлел пером или кистью гений.

А наши жалкие попытки начертать на скрижалях истории свои заметки – всего лишь дерзкие попытки обратить на них внимание будущего всемирного гения. В надежде, что он их использует в качестве рабочего материала для своих грядущих поэм.

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

В России столько чудесного, что порой просто диву даешься. Бывает мимоходом задумаешься о чем-нибудь таком, и останешься стоять на бульваре с разинутым ртом, мешая движению сограждан в меняльные лавки валюты или на премьеру новых смартфонов. Без смефучков! Примеры из любой сферы нашей жизни выстраиваются в бесконечный ряд. Вот самый простейший и естественный одновременно.

Разве это не настоящее чудо, что у нас, где в силу уже почти вековой неразрешенности квартирного вопроса люди вынуждены в переполненных квартирах пользоваться общим сортиром и одной ванной, все еще сохраняется традиция семейной любви?

Только представьте себе, что в какой-нибудь Америке муж при острой необходимости воспользовался клозетом на половине жены. Так она его за это изрешетит из кольта 45-го калибра. И любой суд присяжных оправдает ее!

А у нас супруга попросит только в следующий раз не забыть за собой дернуть ручку унитаза!

В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ РОДЕ

Русская женщина была создана русской литературой. Так же, как и русская интеллигенция. А русский мужчина сформировался в результате постоянных войн.

В ЭПОХУ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Детки, подрастающие в благополучных семействах эпохи потребления, совершенно не ведают таких понятий, как добро и зло. Зато хорошо знают, что такое гаджеты, предпочтения, позитив, гламур и дисконтные скидки.

Перевозимые в роскошных автомобилях из дома в закрытый детский сад или на дачу в элитном поселке, и обратно, они не видят нищих, и потому выросши, никогда не подают милостыню. Они не знают, что такое погладить по голове бродячего пса, покормить зимой птиц, принести в дом выброшенного на улицу котенка, поделиться с ровесником половинкой пирожка, испеченного бабушкой. А ведь именно из тысячи таких простых кубиков складываются в нашем сознании понятия добра и зла.

Если человек не способен различать добро и зло, значит, ему ничего не ведомо о Боге. Вот, и получается, что выросшие в условиях полного благополучия детки зачастую принимают за Господина Б. начальника налоговой инспекции, директора банка или руководителя телерадиокомпании. И служат ему так, будто от него целиком зависит порядок в нашем мироздании. А когда их бога сместят или вынесут из кабинета вперед ногами, у них начинается такая психологическая ломка, что не помогают даже закрытые швейцарские клиники.

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Попка – визитная карточка женщины. Не лицо, поскольку оно часто бывает скрыто несколькими слоями макияжа, не улыбка, которая порой бывает просто хорошо отрепетированным перед зеркалом жестом, не руки, затянутые легкими перчатками с перстнями и уж, во всяком случае, не наряд, поскольку во всемирной деревне все одеваются по одним каталогам.

Женщины обычно уделяют большое внимание фасадной стороне своей внешности, а попка, как ее не затягивай, не скрывай драпировкой или рубищами, расскажет о своей хозяйке гораздо больше, чем все внешние указатели. Она – будь то веселая пятая точка, рассудительная мадам сию или скромное мягкое место – настоящая визитная карточка женщины.

И потому, когда дама крутит перед вашим взором своей кормой, это вовсе не значит, что она с вами кокетничает, или, не дай бог, призывает к домогательствам определенного толка. Во все нет! Она просто рекомендует, как говорили в прежние времена. А теперь говорят: «Позиционирует себя».

МИРАЖИ ГОЛЫХ АЛЛЕЙ

Липовая аллея уже вся освободилась от листвы, а дождя всё нет. Деревья стоят, как обнаженные купальщицы перед ванной, неожиданно обнаружившие, что воду отключили во всем квартале. Разве что, только не прикрывают ладошками свою нижнюю часть.

Деревья погружены в глубокие раздумья: «Что делать? Как быть? Где осенние дожди?».

«Где? Где? В Теберде!» – кричит им ворон Эдгар, пролетая зигзагом вдоль аллеи, – «Пора бежать в мокрые края!».

Но куда побежишь, когда у тебя корни глубоко укоренены в земле. Приходится ждать первых туманов, которые скроют твою печаль и наготу, печаль голых деревьев. Но породят новые миражи пустых аллей.

ПИРРОВА ПОБЕДА

Однажды в пылу спора, в горячке возражений, в азарте взятия маленькой литературной Бастилии ты крикнул, что ценность иных книг определяется только количеством килокалорий, которые они выделяют при сгорании. И в общем-то победил в споре, расчистил местным санкулотам дорогу к победе, к принятию собственной Декларации прав человека и гражданина.

Но уже вскоре усомнился в своей правоте. Якобинская жажда переустройства мира, построения справедливого общества почему-то всегда оборачивается торжеством гильотины и, в конечном счете, сожжением книг на площадях. Ответ берлинских и мюнхенских костров лежит на твоей пирровой победе.

Люди эпохи Просвещения считали, что любые книги способствуют облагораживанию народных масс. Наш великий историограф Н.М.Карамзин полагал, что по-своему полезны даже романы, написанные без всякого таланта. «В самых дурных романах есть уже некоторая логика и риторика: кто их читает, будет говорить лучше и связнее совершенного невежды, который в жизнь свою не раскрывал книги», – писал последний русский летописец.

Никогда нельзя утрачивать эту благородную веру в торжество знания, великую миссию книги.

НАД КНИГОЙ ЗАБЫТОГО ПОЭТА

Сочиняя, я несколько раз сходил с ума, и каждый раз думал, что умер.
Когда умру, вероятно, подумаю, что сошел с ума!

Граф Вас. Комаровский

Иногда осенью тебе кажется, что сходишь с ума. В такие дни всякий раз начинаешь обдумывать наиболее простые и доступные для тебя способы ухода из этого мира, дабы не стать обузой для родных и близких.

А когда по-настоящему сойдешь с ума, будешь, наверно, полагать, что сам-то абсолютно душевно здоров, а это Бог сошел с ума. И тогда будешь просить Его не делать поспешных шагов, не совершать суицида.

МЕЧТА ИДИОТА

Получить нобелевскую премию по литературе и первым делом купить своим собакам мяса. А потом уж раздать все накопившиеся долги

ПИЦЦА ВРЕМЕНИ

Из всех бытовых приборов в заброшенной квартире работала только микроволновая печь. По ее часам можно было узнавать время суток.

Стылыми ноябрьскими ночами она казалась единственным живым существом, которому он был еще нужен. Хотя бы для того, чтобы сообщать, который час, поскольку пиццу в ней он никогда не разогревал. И не от снобизма перед западной техникой или досужих опасений изменения структуры продуктов под воздействием СВЧ-лучей, а по причине полного отсутствия в доме пицци.

После полуночных бесцельных скитаний по пустой квартире он смотрел на цифровое окошко микроволновки и понимал, что человек может быть не нужен обществу, родным и государству, даже окружающему его пространству, евклидову или риманову, без разницы, но все же нужен времени. Потому что человек – это пицца времени.

ПРОДЕЛКИ ДИРЕКТОРА БИБЛИОТЕКИ

Иногда во сне Рай представляется тебе большой Библиотекой, где есть все книги. Не только те, что ты хотел бы когда-нибудь прочесть или перечитать заново, либо просто подержать в руках или пролистать, наслаждаясь их запахом и иллюстрациями, но и те, о которых только слышал, однако никогда не встречал людей, которые бы держали их в своих руках. Там есть даже такие книги, которые будут написаны и изданы уже после того, как ты перестанешь быть читателем.

Ты идешь по огромному лабиринту, составленному из стеллажей этой Библиотеки, и не знаешь, какую книгу первой снять с полки.

Во сне ты знаешь, что ты – не директор этой Библиотеки. Но ты тот человек, за которого хочет выдать свою дочь директор Библиотеки. И пока ты не связал себя с ней брачными узами, позволяет брать домой любые книги, даже из спецхрана.

А ты тянешь время, не говоришь ни да, ни нет на различные намеки о будущей женитьбе, уклоняешься от любых матримониальных притязаний милого семейства. И делаешь это вовсе не потому, что невеста нехороша или, скажем, недостаточно фигуриста, а исключительно из-за опасений, что подобный брак может нарушить устоявшуюся картину мироздания.

Вполне вероятно, что после вашего венчания Библиотека не будет больше казаться тебе Раем, он переместится в какое-нибудь другое место. И тогда ты перестанешь быть гуманистом и книжником, и незаметно превратишься в пышущего здоровьем мужа, регулярно посещающего зал спортивных тренажеров, или довольного жизнью бургера, а может быть, даже члена городского муниципалитета. Одна только мысль о подобной метаморфозе заставляет тебя всякий раз по утрам после такого сна пробуждаться в поту и слезах.

Страшные, очень страшные сновидения порой посещают наши отягощенные книжными знаниями головы в туманные утра последних тусклых дней осени.

ПАМЯТНИК ПРОБУЖДЕНИЮ

В поздний период Эллады жители некоторых полисов поклонялись Дионису. На острове Делос и в наши дни можно увидеть остатки памятника фаллосу – на цилиндрической стеле сохранились внушительные мраморные мужские тестикулы.

Памятник фаллосу – памятник пробуждению, началу творения, светлой стороне жизни.

А вот памятник вагине найти очень трудно. Потому что вагина – это сумерки, темная пещера, ворота в ад, который только в воображении юнцов и неуравновешенных романтиков рисуется раем земным.

В средневековой немецкой книге «История доктора Иоганна Фауста» Мефостофиль говорит главному герою: «Ибо поистине говорю тебе: ад, чрево женщины и земля ненасытны».

ПУТЬ В ТУМАНЕ

Пустыня... Городская пустыня с миражами домов и площадей, затянутых холодным осенним туманом.

Из вечернего мрака выступает белая фигура Христа. Он в задумчивости смотрит на расползающийся по норам человеческий муравейник.

Твой путь к Нему – не спасение, а мука, падения, постоянные пытки и стигматы. Утешает лишь негаснущая надежда на возможность спасения.

ОДА ВЕСНЕ

Но однажды все-таки приходит весна. Первыми о ней сообщают южные ветры и перезимовавшие в парке птицы.

При вашем приближении стайка воробьев взлетает с прошлогодней травы и рассаживается живописными группами на голых ветвях липы. Воробьи напоминают музыкальные знаки на нотных линейках дерева.

Кажется, что они ждут только прихода Оливье Мессиаана, чтобы тот записал их «Оду весне».

Страницы прошлого листая

СТАРЫЕ ПЕРЧАТКИ

Мой дед носил коричневые шерстяные перчатки. Они напоминали хлопчатобумажные носки, которые я, воспитанник века эластичности, инстинктивно презирал. И всегда злился, когда зимой в морозы дед предлагал мне надеть его перчатки взамен моих кожаных «на рыбьем меху».

Прошло десять лет. Дед умер. Однажды я куда-то торопился и, не найдя своих перчаток, – все тех же, «на рыбьем меху», но уже не единожды заштопанных, – сунул в карман старые дедовские перчатки. И на улице, посреди необычно холодной для наших мест зимы, почувствовал, что рукам непривычно тепло.

Позже у этих перчаток обнаружилось ещё одно достоинство: ими было удобно растирать замерзающие на морозе уши и нос. Впервые поднеся перчатку к лицу, я почувствовал чуть различимый знакомый запах. Так пахло от деда, когда, лаская, он прижимал меня к себе.

Теперь же он слал свой привет и тепло из холодной бесконечности, даже там продолжая волноваться за меня.

ВСПОМИНАЯ НАШИ ДАТЫ

Той далёкой уже осенью исполнилось 110 лет со дня рождения моей прабабушки Феоктисты Ульяновны. Широкой общественностью эта дата не отмечалась. Моя прабабушка не была революционным деятелем, писательницей или ученым. Она была обыкновенной украинской женщиной, пережившей несколько войн и вырастившей троих детей.

На её юбилей бабушка Маруся испекла пирог, и мы за столом помянули Фисю, как я называл прабабушку в детстве. Умерла она, когда мне было пять лет.

Мы тогда жили в Ангарске, молодом сибирском городе, где родители строили нефтехимический комбинат. Похороны в комсомольском городе были редкостью, на них собиралось много народу. Я бегал по двору и хвастался, что это у нас похороны. С радостью сообщал всем встречным – поперечным, что это моя бабушка померла. Пишу об этом сейчас не только со стыдом, но и с горечью, что в те годы никто не внушал нам любовь и уважение к отеческим гробам.

Впрочем, кого в этом винить? Время было такое – смотрели только вперед, в будущее. Родословную вели с 1917 года, а всё, что было до него, отбрасывали, как леса, делающиеся ненужными сразу после завершения строительства здания. Поэтому и хоронили Фисю без священника, хотя она была очень набожной, и душа ее, наверно, мучилась. Но в Ангарске не было священников, были монтажники, нефтехимики, строители, проектировщики, охранники и заключенные, а священников не было.

После завершения строительства нефтехима родителей перебросили на другую стройку, и мы уехали из Ангарска. На могиле бабушки Фиси я с тех пор не был. И теперь, спустя десятилетия, с запоздалым раскаянием произнес:

– Мир ее праху!

– Какой там мир, – усмехнулась бабушка Маруся. – На том месте давно уже дома стоят.

– Как?!

– Обыкновенно, по генеральному плану. Когда город подошел к кладбищу, его закрыли.

А родственникам предложили перенести останки на новое место. Нам друзья написали из Ангарска. Но я тогда сильно болела, а ты в Ленинграде учился... Да и с деньгами, как всегда, было... Через несколько лет кладбище срыли. А косточки в общую яму побросали, – смахнула слезы бабушка.

– Как же в тех домах люди-то живут?

– Не знаю... Вот до войны по-другому было. Мы тогда в Свесе, на Украине, сахарный завод строили. Там тоже старое кладбище сносили, и раздали на нем участки для застройки. А одна женщина на этом кладбище недавно сына похоронила. Хотела, чтобы рядом с родней лежал... Кстати, меня тоже рядом с дедом похорони. Ты головой-то не кивай, я на тебя рассчитываю... Так вот, участок, где были похоронены родственники женщины, достался одному пронырливому мужичонке. Теперь-то таких много развелось, у них какой-то особый нюх на личную выгоду. А до войны таких единицы были, но уже были. Женщина эта, бедная, его и так и сяк умоляла, чтобы он не трогал могилы. Куда там! У него постановление, разрешение, всё по закону...

Построил он таки дом. Не дом, а просто загляденье. Сказка на кладбище!.. Та женщина потом часто приходила, возле калитки плакала... И что же ты думаешь? Однажды разыгралась страшная гроза: гром, молнии, светопреставление. И прямо в этот дом залетела шаровая молния. Разнесла его в щепу! Вот как до войны было. Тогда Бог ещё был жив. Это после он погиб на фронте!

СОН В БЕЗЗВЕЗДНУЮ НОЧЬ

Приснилось, что стою в очереди за вином в какой-то овощной лавке. Из тех старых, пропахших навеки кислой капустой и влажной землей торговых точек, где наряду с морковью и свеклой торговали и запечатанными сургучными печатями огромными бутылками с «Фрукто-ягодным». Впрочем, эти вина только так назывались, плодовыми и ягодными, а производились, наверняка, из овощей. Не фрукты же, в самом деле, переводить на нашего брата!

Итак, стою я в очереди в этом овощаге. Рядом закадычный друг, только что откинувшийся с зоны. По этому случаю, соображаю во сне, мы и собираемся лихо гульнуть. Как говорится, тряхнуть стариной. Нам обоим хорошо, тепло и уютно. Мы не пьяные, отнюдь, просто мы здесь свои среди своих. Наше прошлое всем хорошо известно и не осуждается, настоящее – как на ладони, а будущее ещё прекраснее. Разговоры вокруг ведутся тихие, душевные, понятные каждому: цены в магазинах, драки на танцах, болезни близких и повышение пенсий. Друг рассказывает очереди что-то очень веселое и уже подмигивает томной молодухе.

Подходит наша очередь. Берем обойму «фаустпатронов» и ловко рассовываем их по карманам. Я достаю денежки, чтобы расплатиться за винцо, и вдруг замечаю в углу за прилавком ящички с картошкой. Как раз накануне мама просила меня купить ей картошку, а тут она лежит спокойно и никто её не берёт. Очень удачно всё складывается. Прошу метнуть на весы килограммов десять картофана и вскользь интересуюсь, сколько это потянет в универсальном эквиваленте. Продавец начинает кидать на счетах, но я уже с ужасом понимаю, что у меня не хватит денег, чтобы расплатиться за всё. И тут уж, как полагается, замечаю, что картоха-то не хороша: и глазки у неё имеются, и поросль есть, и помятость наблюдается. «Не, – говорю. – Отставить.»

Продавец не возмущается, ни Боже мой. Он ведь свой парень. Сегодня он меня подогрел, завтра я его. Сегодня я беру у него «Слезы Мичурина», завтра он ко мне в мастерскую заглянет чего-нибудь исправить. И я ему быстро сделаю, от и до сделаю, не фраер же, свой пацан. Продавец это отлично понимает и молча высыпает картошечку обратно в ящик. «Потому и не предлагал, – говорит. – Знал, что не подойдет. Не фраер же, своим ребятам фуфло толкать!»

Вот, собственно, и весь сон. Ничего особенного. Нормальный средний сон: ни убийств, ни погонь, ни любовных баталий. Отчего же проснулся я в поту и в слезах? И, как ни старался, не смог больше заснуть. До утра простоял у окна, вглядываясь в глухую темень ноябрьской ночи. Что же так разволновало меня?

Говорят, сны – отражения нашей дневной жизни. Но у меня нет друзей, побывавших за колючей проволокой. И не потому, что выбираю по анкетам, просто никому из них

пока не доводилось... Публиковаться в толстых журналах публиковались, книги выпускали, фильмы даже снимали, в подлодках горели, из осажденных городов выходили, в конторах ежедневно с девяти до восемнадцати просиживали, а КПЗ, передачи, зоны – это всё, извините, из городского фольклора.

Теперь насчёт спиртного. В обществе борьбы за трезвость, – было такое! – никогда не состоял. Хотя бы из уважения к древнему труду виноделов. Но печально знаменитые плодово-ягодные красители всегда обходил стороной, предпочитал красные сухие вина и хороший коньячок.

Нет, не это напугало меня во сне: не друзья, не тёмное братство овощного магазина, не пыльные «фаустпатроны» с сургучными головками. Что-то другое зацепило...

Может быть, воспоминание о маме? Я ей, действительно, не помог в этом году купить картошку на зиму. Вспоминал, загорался, звонил, а потом без особых угрызений совести забывал: дела. Мама молчала, понимала, что занят, и сама таскала с базара тяжелые авоськи с картошкой. Однако сколько раз я подводил её и сколько раз после этого спокойно спал?

И не отсутствие же денег, чёрт побери, так разволновало меня. Продавец в лавке был свой парень, наверняка отпустил бы в долг. Тем не менее, как раз из-за денег, вернее, из-за нехватки их ужаснулся я во сне. Проклятье безденежья пронеслось надо мною, как тень рабства. Вот оно, слово! Наконец-то найдено! Именно вековое российское рабство так явственно ощутил я во сне!

Где бы ты ни работал, чтобы не делал, из каких фондов материального поощрения не поощрялся бы, проклятье бывшего рабства будет висеть над тобою. И с ним ничего не поделаешь. Можно только вытравливать его из себя по капле, как советовал Антон Палыч.

А холодной беззвездной ночью рабство снова будет вливаться в тебя. Стаканами, из того самого «фаустпатрона» с сургучной печатью. Поскольку сны действительно отражают нашу дневную жизнь.

КАК НЕГР НА АРБАТЕ

Ты уже взрослый мальчик. Тебе платят за слова в дензнаках другой страны. Ты иногда шутишь: наше слово ценится не на вес золота, а на шелест доллара. Тебя читают горожане и не очень привечают градоначальники. Зимой ты ходишь в простой солдатской ушанке, на западный манер. «Это круто!», – говорит дочка. «Совсем как негр на Арбате», – говорит художник Г. «Ты позиционируешь себя слишком независимым для этого города», – говорит Флора. А ты только улыбаешься им в ответ.

Перед Новым годом тебя останавливают на главной улице двое милицейских. Ты совершенно трезв, но не можешь понять, чего хочет от тебя прислуга порядка. Автографа? Визитную карточку? Или разрешения позвонить по твоему мобильнику своему начальству?

Они вертят в руках твое служебное удостоверение, по десятому разу перечитывая слова «агентство» и «собственный корреспондент». Кажется, что только эти три слова удерживают их от намерения дать тебе в торец или положить фейсом на асфальт.

– Что-то не так, уважаемые? – совершенно спокойно спрашиваешь ты.

– Всё не так, – говорит один.

– Усиленный вариант несения службы, – говорит второй.

– Проверка паспортного режима, – поправляет его первый.

– Нет, все-таки усиленный вариант... – настаивает второй.

Они начинают спорить между собой, приводя в качестве аргументов прозвучавшие в эфире тексты новостных сообщений.

– Офицеры, всё, что вы знаете о жизни, вы знаете из моих писаний, – говоришь ты, и тут же поправляешься, – Моих, или моих корреспондентов!

- Мы – не офицеры! – гордо говорит один, – Я – сержант!
- А я – старший сержант! – заявляет второй, – И я ничего не читаю!
- Я тоже смотрю только телевизор, – говорит первый.
- Это очень печально, господа! – говоришь ты.

Ты хочешь сказать этим слепцам, что книга является светильником в наших руках. Что Эзра Паунд, например, считал, что читать надо для приобретения силы. А Томас Стернс Элиот писал, что целью словесности является совсем не информация, а трансформация духа. И читать стоит хотя бы потому, что это помогает нам меняться.

Но не успеваешь открыть рта. Один из сержантов вырывает портфель у тебя из рук и выворачивает его содержимое на снег. На тротуар летят несколько книг стихов, свежие газеты, папки с рукописями, телефонная книга, ежедневник и поздравительная открытка от президента республики.

- Там больше ничего нет, – говорит сержант, и еще раз встряхивает портфель.
- Извините, мы думали: вы – ваххабит! – говорит другой и возвращает тебе служебное удостоверение.

– Бороду надо брить, – говорит тот, что терзал портфель.

И потеряв к тебе всяческий интерес, они удаляются дальше исполнять свой долг.

Какие-то девушки помогают тебе собрать разбросанные бумаги и книги, отряхивают их от грязного снега. Ты благодаришь их и, по-стариковски шаркая ногами, бредешь по холодной улице.

Окраина России. Лета. Лорелея.

С наступающим, господа!

МЛАДЕНЕЦ ПАВЕЛ

Паше всего-то лет пять, но он уже настоящая гроза пляжа. Разгуливает между лежащими на гальке отдыхающими и высматривает очередную жертву. На нем синие плавки и кепка из того разряда, в которых обычно щеголяют мужики обитающие возле пивных ларьков.

Несмотря на свой юный возраст и обворожительную улыбку второстепенного персонажа киносборника «Ералаш», Паша представляет опасность для людей любого возраста. В силу своего воспитания, вернее, благодаря полному отсутствию оно, Паша не делит людей по возрасту и социальному положению. Для него они все равны, с каждым он готов вступить в контакт и что-нибудь с него срубить.

Подходит к сидящей с сигаретой в руке Флоре. «Куришь? Дай мне тоже». «Что?» «Ну, сигарету!». «Тебе еще рано курить». «Что жалко?» «Жалко». «Ну, тогда дай очки». Пытается снять с нее солнцезащитные очки. Флора откупается от него конфеткой.

После Флоры Паша останавливает свой взгляд на мне. Паша не знает, в каком элитном подразделении я служил. Для него я – интеллигент с книжкой. А таких он презирает с грудного возраста. «Подраться хочешь?» «С кем?» «Ну, со мной!». «На чём?» «Ну, на палках», – он протягивает мне выброшенную морем и высохшую на солнце кривую корягу. Себе берет другую. Мы начинаем фехтование на корягах, вернее, фехтовать, сидя на камне, пытаюсь я, а Паша старается побольнее меня ударить по руке. После нескольких блестящих, на мой взгляд, обманных выпадов и нанесенных ему лёгких уколов, Паша норовит ударить меня уже не по руке, а по голове. Я уклоняюсь. Паша снова бросается на меня. Тут во мне просыпается бывший боец спецназа, и я останавливаю его молниеносным хлопком коряги по руке. Паше больно, но он не подает вида. «Ну, хватит, – говорит он и бросает свою „саблю“ на песок, – Ничья!». «Как это, ничья? – я показываю пальцем на Флору, – Она – моя! Понял?». «Да, всё нормально!» «Не, ты, в натуре, понял меня?». «Замётано», – говорит он и направляется к воде. Паша уважает только силу. И впредь нас с Флорой будет обходить стороной.

Паша может спокойно подойти к оставленным на лежаке чужим вещам и покопаться в них. Особый интерес у него вызывают мобильники и CD-плееры. Паша любит современную эстраду и хочет, чтобы и другие постоянно слушали песни Димы Билана и Кати Лель. Ещё он может, нисколько не смущаясь, вытащить из плавков свой крантик и начать поливать камни возле вас. Ему и в голову не приходит отойти на двадцать шагов к кустикам или посетить каменное сооружение на краю пляжа.

Родители смотрят на Пашины проделки сквозь пальцы. Они постоянно пьют пиво, закусывают его орешками или чипсами, и занимаются легким петтингом. Складывается такое впечатление, что Паша пьет пиво вместе с ними. А может быть, просто допивает оставленные ими банки. Но этого я не видел, врать не буду.

Паша подходит к бабушке мальчика Максима, из-за которого наш автобус простоял несколько часов на границе, и начинает тискать ее грудь. Приглашает присоединиться к этому увлекательному занятию и Максима – сисек, мол, у бабушки две, на всех хватит. Ошарашенная бабушка сидит с широко раскрытыми глазами. Дедушка Максима говорит Паше, что так поступать некрасиво. Паша его просто пинает: «Молчи, фидор».

Глядя на Пашины кунштюки, мне почему-то приходит на ум старый садистский анекдот. Рассказываю его своим друзьям, с которыми мы по очереди обороняемся от набегов малолетнего варвара. Бабушка тянет по лестнице за ногу маленького мальчика, его голова стучит по ступенькам. На стук открывается соседская дверь: «У вашего мальчика панамка может упасть с головы!». «Не волнуйтесь, я ее прибила гвоздиком!» – отвечает бабушка.

Не успели мы отсмеяться над анекдотом и сопутствующей ему серии, как ситуация повторяется один к одному в реальности. Пашин папа решает все-таки оторвать свое чадо от бабушки Максима. Но Паша не собирается прекращать амурные шалости, упирается, дерется. Тогда отец берет его за ногу и тянет к своей подстилке. Голова Паши постукивает по камням. При этом кепка сидит на голове фундаментально, и вроде бы без гвоздей.

«Ты, что, действительно, видишь будущее?» – с тревогой смотрит на меня Флора. «Просто анекдоты всегда рождаются из жизни. Их потом литературно приглаголивают!».

«Интересно, что из этого Паши выйдет?», – говорит Флора. «Станет депутатом Госдумы и будет нас, дураков, жизни учить!», – говорю я. «Таких деток надо убивать в детстве, все равно потом пацаны завалят», – говорит самый рассудительный из нас – доктор Фандор.

В поселке на горе расположен знаменитый монастырь. Обычно мы с Флорой ходим туда на вечернюю службу. В монастырском храме есть чудотворная икона Св. Пантелеймона, врача-человека душевных ран и физических недугов. К ней всегда очередь паломников. Я молюсь перед ней и ставлю свечу во здравие младенца Павла.

НОЧНАЯ SMS-КА

Сидел на диване и читал на ночь Герцена. В который уж раз перечитывая «Былое и думы», поражаюсь, как нынешняя властная вертикаль напоминает правление Николая I. Та же государственная демагогия, гарнизонное позерство, то же подавление свобод, любых общественных инициатив, пренебрежение частной жизнью. Как и полтора столетия назад поголовное воровство чиновников и расхищение достояния страны.

Герцен пишет, что монарха окружали толпы плутов, людей, принимающих Россию за аферу, службу – за выгодную сделку, место – за счастливый случай нажиться. Разве это написано не про наше время?

Вдруг запиликал мобильный телефон, сообщая, что пришла новая SMS-ка. Не поленился, встал, подошел к столу и прочитал на экране мобильника: «Сладких тебе снов, сладкий мой».

Номер абонента был совершенно неизвестен. Сразу почему-то вспомнилась карменсита былых времен, имевшая обыкновение после амурного катарсиса вопрошать: «Тебе тоже сладенько было?». В памяти завихрился рой далеких воспоминаний.

Однако через минуту пришла еще одна SMS-ка: «*Извините*, я ошиблась номером».

Вот, так всегда – помянут неожиданной радостью, покажут краешек чего-нибудь розового и кружевного, а потом скажут, что это не тебе, ошиблись адресом, в смысле, эмейлом и пин-кодом. Сиди, мол, себе на диване, читай Герцена и болей душой за судьбу России.

ПРОДЕЛКИ ГОСПОДИНА А.

Часто приходится наблюдать, как дьявол искушает молодые души.

Возвращаюсь вечером домой в «маршрутке». На очередной остановке набилось много народа, все сразу передают деньги за проезд. Водитель, в свою очередь, передает сдачу. Вот, он передал сдачу с нескольких десятков, но в одном случае вместо положенных четырех рублей ошибся, и дал пять рублей.

Мужички, оказавшиеся на регулировании денежных потоков, говорят между собой: «А здесь – пять рублей. Давай их симпатичной девушке передадим!». И протягивают той монетки. При этом по-доброму улыбаются, совсем как Коровьев с Бегемотом. А той нет, чтобы взять свою сдачу, а рубль возвратит водителю, вместо этого она спокойно прячет монетки в карман. И еще улыбается: «Спасибо» – то ли за то, что назвали симпатичной, то ли за то, что целковым наградили.

Вот так Господин А.¹ за 1 рубль совершил покупку юной души в городе Нальчике в один из осенних вечеров недавнего года. Если кто-то считает, что душу продают за миллионы или тысячи долларов, он ошибается. Просто миллионы появляются в результате многократной продажи души.

Для иллюстрации того, что будет с той девушкой через несколько лет, предлагаю другую картинку с нашей постоянно действующей выставки характеров и актеров.

Сажусь на остановке в полупустую «маршрутку». Пропускаю вперед даму средних лет с претензиями на интеллигентность. Она садится на пустующее сиденье в глубине салона, а я – на одно из передних мест, чтобы спокойно передать деньги водителю. Дама протягивает мне две свои монетки достоинством в один и пять рублей, я их тоже передаю водителю, а потом уже пересаживаюсь на свободное место возле двери, чтобы спокойно созерцать законные пейзажи и происшествия.

Через какое-то время водитель «маршрутки» протягивает в салон рубль: «Кому я сдачу должен?». Дама бросает на меня быстрый взгляд – я делаю вид, что, в самом деле, поглощен неземной красотой ландшафтов района Богданки. Тогда дама спокойно забирает рубль себе. Причем, если в первом случае – когда передавала мне монетки, – она не вставала с места, заставив меня вытянуться буквой «W», то теперь не поленилась встать и сделать несколько шагов за добычей дня.

Суть проделок Господина А. в том, что, однажды подавшись его искушению, ты на всю оставшуюся жизнь становишься адептом алчности и зависти.

Впрочем, не все так мрачно даже в наши тусклые осенние дни. Вот садятся в «маршрутку» двое еще сравнительно молодых мужчин в одинаковых кожаных куртках и шерстяных шапочках, натянутых чуть ли не по самые брови. Про таких в милицейских протоколах пишут: лица ярко выраженной неславянской национальности. С ними мальчишка – школьник, сын одного из мужчин. Он садится на первое сиденье, а мужчины устраиваются напротив меня, в конце салона. Один из них вынимает из кармана сто рублей и протягивает мальчишке: «Передай за троих!».

Когда мальчишка передает ему сдачу, мужчина сперва машинально хочет положить кучу бумажек и монеток в карман, а потом пересчитывает их и видит, что водитель ошибся. «Здесь больше, чем нужно. Скажи шоферу, что он ошибся», – мужчина протягивает мальчишке лишние деньги.

– Это Бог вам дал. Не стоит от них так легко отказываться, – вроде бы шутя, говорит кто-то из пассажиров.

– Бог дает нам пищу и работу! А деньги мы зарабатываем, – говорит мужчина.

Когда в «маршрутку» входит женщина, которой уже некуда присесть, а мальчишка явно не намерен уступать ей место, тот же мужчина говорит ему:

– Что ты смотришь – уступи женщине место! А сам иди к нам, все поместимся.

На следующей остановке я выхожу из «маршрутки» в твердой уверенности, что Господин А. проник не во все двери и души обитателей нашего города. Но в то же время я знаю, что это весьма упорный господин – его гонят в дверь, а он лезет в окно. И поле битвы Господина А. и Господина Б. вечно. «А и Б сидели на трубе», – было первой фразой нашей детской считалки. Теперь-то я понимаю, что речь и тогда, и сейчас шла о нефтяной трубе. Просто тогда Господин А. поосторожнее себя вел.

¹⁾ В лексиконе автора Господин А. – дьявол (Антихрист), Господин Б. – Создатель.

СВЯЗКИ ГРИБОВ

На окне кухни висят связки белых грибов, сушатся на зиму. Белыми они назывались когда их собирали в горно-лесистой местности, а сейчас они выглядят темно-коричневыми с вкраплениями черного. Большое кухонное окно напоминает старинный китайский свиток с четкими колоннами спускающихся вниз иероглифов.

Если посмотреть сквозь эти иероглифы, то можно увидеть, как с ивы порывами ветра срываются желтые листья, как они хороводом летят на землю, как блестят темные от влаги голые ветви других деревьев, а вдали проступает драконова спина гор. Если смотреть в окно, не отрываясь, несколько минут, возникает ощущение, что находишься в Поднебесной времен династии Тан или Цинь. И пора ставить на огонь чайник с вином и готовить угощение. Скоро на нашу заставу приедут Ли Тай Пе или Бо-Цзюйи с Юанем Девятым. И вы будете с ними долго бражничать и распевать песни, сверяя переводы по антологии академика В. Алексева.

ФИОЛЕТОВАЯ БАБОЧКА

Памяти В. Г. Кисунько

Фиолетовая ночная бабочка прячется в вазе со сливами. Со сложенными крыльями она напоминает самолет-невидимку «Стеллс». Пока они летают только над Югославией. Но скоро начнут залетать и в наше воздушное пространство. Собака охотится на залетающих в распахнутое окно насекомых. Бабочку не замечает. Маленькая такса беспощадно преследует эскадрильи ночных жуков и мотыльков. Не собака, а мобильный комплекс ПВО. Милует она только очаровательных зеленокрылых существ, чьи повадки напоминают эльфов. Рядом на диване безмятежно раскинулась Флора. Так спят только памятники старой Европы. Чтобы такса не нарушала ее покой, приходится выключать ночник. В темноте можно читать про себя стихи. *Из дочерей Ликамба только старшую.* Директор классической гимназии переводил древних на язык родных осин. На манер Архилоха сказал, что предпочел бы младшую сестру. Будущая королева была польщена. Мемуаристы отмечают, что в поздние годы она часто говорила камеристкам об учителе. Благодаря ей он покоится в литературном пантеоне. Хотя умер на вокзале, что было не совсем комифо. Смерть приемлема только в городе дождей. В Библиотеке

есть целый стеллаж с книгами о встречах с Хароном в водах его лагуны. Рыжий камер-юнкер грозился отдать концы где-нибудь на Галерной или Среднем проспекте. Но угораздило в другом полушарии. Завещал похоронить себя по пути на острова Бурано и Мурано. Всё-таки был любимцем королевы. Теперь покоится в евангелистской части тамошнего кладбища. В чашу, стоящую на его могиле, посетители складывают авторучки, деньги, камешки и записки. Просят выступить посредником при общении с Господином Б. Верят, что в другой жизни он столь же беспристрастен, как был в этой в своих произведениях. Но нам-то известно, что он замолвит словечко только за тех, которые хорошо писали. Не зря же при жизни часто повторял, что главное для литературы стилистика и эстетика, а вовсе не нравственность. Это была его вера. Но она не стала нашей, несмотря на все прилагавшиеся усилия, литературные изыски и аллюзии. Всё-таки мы слишком долго прожили в России. И родила нас русская мать. Русская бабушка клала в школьный ранец вместе с пирожком антоновское яблоко. А папа нашего друга придумал лучшую в мире систему ПВО. И мы до сих пор не боимся самолетов Альянса над своей головой. Электричество в комнатах выключаем не для светомаскировки. А для спокойного сна любимых. И чтобы не залетали ночные насекомые.

НЕЗНАКОМКА УЛЫБАЕТСЯ

Желать эту женщину так же естественно, как в жаркий полдень стремиться в прохладную тень, как в окопах мечтать о чистой постели, а будучи нищим – грезить о тайном родстве с Ротшильдом. В жажде ее любви нет ничего низкого, грязного или постыдного, ибо её любовь – это сама стихия, природа, познание и жизнь. Она из того же ряда, что и воздух, вода, хлеб и огонь. Познавший её и вознесётся, и насытится, и освежится и сгорит.

Любить её – значит постоянно погружаться во влажную тайну жизни. Рядом с ней не представимы ни трепет юношеского восторга, ни пресыщенность старческой страсти, ни умелое притворство обольстителя, ни равнодушное внимание супруга. С ней юноша становится мужем, старец – юношей, а обольститель – нежным супругом. И только муж, если он есть, страдает и тускнеет от своего грозного счастья.

Когда такая женщина проходит по планете, рушатся семьи, прогорают банки, возникают правительственные кризисы и разгораются войны, подобные Троянской.

Как же выглядит эта женщина? Как передать её черты, невольно не исказив их, не прибегая к помощи штампов и не лишая её образ пульсирующей правды? Где найти такие слова, обороты, эпитеты?

На помощь может прийти только искусство. Например, один из самых древних его видов – скульптура. Ты замечаешь, что фигура этой женщины, будучи повторена в мраморе и выставлена в античном зале музея рядом с другими статуями, притянет к себе все мужские взоры, поскольку у неё будет немного больше мрамора именно в тех местах, которые наиболее привлекают эти взоры.

Но как ни прекрасно искусство ваяния, оно не способно передать свежесть и персиковую прохладу кожи, мимолетность улыбки и лукавые огоньки глаз. На смену ему на арену выходит живопись. Потому-то, наверно, и существуют, дополняя друг друга, различные виды искусств, что живая красота всегда более многомерна, чем самые гениальные её проекции на полотне или в пространстве. А писать эту женщину пытались и Леонардо, и Ренуар, и сотни других менее известных мастеров.

Впечатления от неё Леонардо да Винчи передал в чувственном овале лица Джоконды, Боттичелли – в струящихся волосах Весны, а Ренуар – в солнечных улыбках своих героинь. Кому-то из художников удалась ее высокая шея оперной певицы, кому-то посчастливилось запечатлеть крупный с горбинкой нос, способный различать миллионы запахов и трепетать

от их смены, кто-то поймал на полотне удивление и ожидание чуда в её немного раскосых глазах.

Но никто их живописцев не смог целиком запечатлеть облик этой женщины, потому что заложенная в нём поэзия уводила в абсолютные сферы. И кисть передавала уже не непосредственные впечатления, а найденные в этих сферах откровения. Поэзия губит и твои тщетные попытки прорваться к красоте и истине. Ты отрываешься от земного образа и блуждаешь в художественных галереях собственной памяти.

А она, эта женщина, стоит рядом с тобой, в переполненном, душном и потном городском автобусе, среди ругани и мелких стычек уставших за день людей. Смотрит в окно и загадочно улыбается. Что она видит там? Чему улыбается? Никогда не узнать тебе этого! Но всю свою жизнь ты будешь стремиться проникнуть в эту великую тайну.

УЛЫБКА КОРЫ

Проезжая мимо музея, он случайно увидел на его ступеньках Кору на пару с каким-то лысоватым мужичком в джинсах и майке. Она при этом улыбалась своей фирменной улыбкой. Той самой улыбкой Джоконды, которую он всегда считал предназначенной только для него.

Он не стал кричать водителю такси, чтобы он немедленно остановил машину, не выскочил на площадь, не бросился к ее кавалеру и не стал хватать его за грудки, даже если бы тот стал кричать, что он всего лишь двоюродный брат Кору.

Он внезапно вспомнил, что прошло ровно десять лет, как они с ней расстались.

Кора была в светлой юбке и белой кофточке, ярко накрашенная, оживленная – ожившая гравюра Китагава Утамаро. Он любовался ею.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ШИШКИ

Пасмурный летний день. В небе выстроились шеренги серых туч. Потемневшее море учащенно дышит. Непривычное безлюдие курортного пляжа позволяет беспрепятственно наблюдать за стройной девушкой, склонившейся над раскрытой книгой. На ней черно-зеленый с большим вырезом на спине купальник. Иногда она отрывается от книги и обводит обитателей пляжа и прибрежные постройки туманным бирюзовым взглядом, и тогда мое сердце на миг замирает.

Мне шестнадцать лет. И хотя мы приехали в этот приморский городок вместе с мамой, всё же считаю уже достаточно взрослым, и провожу время по собственному усмотрению.

Внезапно девушка встает и пружинящей походкой направляется к воде. Я тоже поднимаюсь с песка. Плыть по морским ухабам не так-то просто, но мелькающая впереди каштановая головка придает дополнительные силы. Девушка плавает лучше меня, но я стараюсь не сильно отставать. Мы с разных сторон почти одновременно достигаем большого красного поплавка, ограничивающего купальную зону, и цепляемся за его шероховатый пояс. Наши глаза впервые встречаются и улыбки заменяют визитные карточки.

На берег возвращаемся уже друзьями. Выйдя из воды, гуляем вдоль кромки прибоя и говорим, говорим, говорим. Оказалось, что мы ровесники. Оба закончили девятый класс, впереди последний школьный год и розовые планы на будущее.

Я увлекаюсь физикой, пытаюсь читать серьезные книги, но мало что в них понимаю. Моими кумирами являются Эйнштейн, Ландау и хоккейная тройка Старшинов – братья Майоровы. Девушка занимается гимнастикой, выступает на соревнованиях и готовит программу кандидата в мастера спорта. Она любит балет и садоводство, но поступать почему-то собирается в авиационный институт.

Увлеченные беседой и друг другом, мы совсем не заметили, откуда появился этот странный старик. Среднего роста, плотный, но без признаков старческого ожирения. У него широкое лицо, нос картошкой, большой лоб философа и лукавый прищур деревенского колдуна с картины Нестерова. Ветер играет остатками его пушистых седых волос. Ни слова не говоря, старик подходит ко мне и ощупывает мою голову.

– Математические шишки, – уверенно заявляет он, нажимая пальцами на западный и восточный выступы лба. – Большим математиком будешь. На персональной машине будешь разъезжать. Только не ленись!

Потом поворачивается к девушке и сообщает ее судьбу:

– Балериной станешь. За летчика замуж выйдешь. Дети хорошие вырастут.

Мы весело смеемся, не возражая против предложенной перспективы. И тут же забываем про старика.

Вспоминаю его спустя несколько лет. К тому времени я уже учусь на математическом факультете университета. И каждый раз вспоминая его, поражаюсь сказанным им пророческим словам, поскольку раньше никогда не думал о математике, как о будущей профессии. Сказалась ли на моем выборе встреча с деревенским колдуном или старик действительно обладал даром ясновидения и подарил молодым влюбленным моментальные снимки их будущего? Эти вопросы долгое время не дают мне покоя. И задумываясь над ними, невольно потираю рукой «математические шишки», о существовании которых прежде не ведал.

Прошли годы. Я не стал профессиональным математиком, хотя много времени посвятил царице наук, как называл ее Гаусс. Мне никогда не светит раскатывать по городам и весям на служебной машине. Казалось бы, уже с уверенностью можно сказать, что старик не был волшебником, но я не тороплюсь этого делать. Разве под силу самому искусному чародею и магу предсказать, куда может завести русского человека любовь к родной словесности? Если она сама, по замечанию Тынянова, не подчиняется никаким законам, ей велят найти путь в Индию, а она открывает Америку.

Окончательно развеять все сомнения могла бы история девушки с бирюзовыми глазами. Но я не помню даже ее имени. Другие образы, подобно археологическим слоям, заслонили её далекий облик. Помню лишь, что проживали они с матерью и сестрой в станице Брюховецкой Краснодарского края. Название этого населенного пункта в те акварельные времена сильно охлаждало мои лирические чувства. Расставшись, мы пробовали писать письма, но переписка быстро сошла на нет.

А дождь в тот летний день так и не пошел. Незаметно уплыли за горизонт тучи, стихло море, и появилось ослепительное желтое солнце. Жизнь казалась великолепным праздником, которому не будет конца.

ПРОГУЛКА ПОД ДОЖДЁМ

Прогуливаю ночью собаку. Идёт мелкий тихий дождь. Фонари выхватывают из мрака потемневшие от влаги стены домов, блестящую зелень деревьев, полированные куски асфальта. Придерживая на голове маленький зонтик, не спеша иду следом за собачкой.

Внезапно появляется ощущение, будто я прогуливаюсь в саду старого европейского монастыря. Пораженный этим чувством, на миг останавливаюсь, оглядываюсь по сторонам, а потом снова делаю несколько осторожных шагов. Сомнений нет, я – аббат времён Просвещения. Не ясно только, Куаньяр или Монтескье, но мысли сами собой обращаются к природе, человеку, истории, справедливости и Богу.

Наслаждаясь образами прекрасной старины, медленно бреду вместе с собакой по влажной липовой аллее. Дождь размеренно стучит по зонтику.

Так продолжается около получасу. Но стоит несколько увеличить шаг, как волновавшие воображение образы мгновенно растворяются в ночи. Я снова становлюсь самим собою – человеком конца XX века, импульсивным рационалистом, живущим в постоянном дефиците времени.

Однако человеком эпохи миллениума мне предстоит быть ещё долго, а сутану весёлого аббата я вряд ли когда ещё примерю. И я замедляю шаг, склоняю голову к правому плечу, сгибаю руку с зонтиком в найденном положении и возвращаюсь в любезный сердцу XVIII век.

ПОДАРОК ПОСЛА

Написал я как-то рассказ «Вы любили когда-нибудь генералов?». В нем тридцатилетний уездный повеса, надев мундир приехавшего в гости зятя-генерала, отправляется охмурять незнакомых девушек. Потом по-настоящему влюбляется в одну из них, хочет ей открыться, но уже поздно, девушка влюбилась в генерала, а его без мундира просто не узнает на улице.

– Хлестаковщина какая-то! – смеясь, говорил руководитель нашего литературного объединения, прочитав мой рассказ, – Парню уже тридцать два, а он ведет себя, как мальчишка. Затянувшееся детство какое-то. Инфантилизм души! – Михаил Иванович Добрынин черкнул по воздуху ручкой, словно подписывая смертный приговор моему рассказу.

– Кстати, видел ручку? – он протянул мне «Паркер» с золотым пером, – Дядя прислал! Ну, Добрынин... Наш посол в США. Слыхал?

– Конечно, слышал, – ответил я, с интересом разглядывая ручку.

А он, довольный произведенным эффектом, весело рассмеялся:

– Шучу! Какой там дядя... В Москве купил по случаю!

Михаил Иванович был в два раза старше героя моего рассказа. Он был полковник в отставке. Заочно окончил Литературный институт, и выпустил несколько книг заметок и очерков. А рассказ мой в газете так и не напечатал. Он был опубликован только в моей первой книге.

ОТВЕТ МАТЕРИ

Вечером, как обычно, он позвонил матери, спросил, чем она занимается. «Читаю твою книжку», – ответила мать.

И в этот момент собственная жизнь не показалась ему такой уж ничемной, как обычно.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОМ

Часто повторяющийся сон последнего времени: большой белый пароход, а на его верхней палубе – люди, которых ты любил или с которыми дружил долгие годы. И которые уже навсегда покинули наш берег. Отдельными группами стоят учащиеся, инженеры, военные, книжники, городские фланеры, выпивохи, любители крепкого словца. Среди них девушки и дамы, которые порой шептали тебе такое, о чем ты даже спустя десятилетия не решаешься говорить вслух. Все они всматриваются вдаль, но не видят тебя. А ты отчетливо видишь каждого, будто стоишь рядом. Правда, не слышишь, что они говорят.

На отдельной скамье возле большой трубы сидит вся твоя семья: мама, бабушка, дед, которого ты называл в детстве папой. Дед держит на коленях большой цейсовский бинокль. Он, как всегда, волнуется за тебя, нервничает, линзы бинокля у него постоянно запотевают и он их протирает носовым платком.

А ты один в весельной шлюпке пытаешься догнать пароход. После каждых десяти гребков веслами поворачиваешь голову назад, чтобы не сбиться с курса. Иногда кажется, что вот-вот

нагонишь пароход, но потом оказывается, что это просто большая волна подняла на гребень шлюпку и ты стал жертвой оптического обмана.

Внезапно подводное течение разворачивает шлюпку на сто восемьдесят градусов, и ты оказываешься лицом к пароходу. Дед замечает тебя в бинокль. Он вскакивает на ноги, показывает маме и бабушке на шлюпку, машет рукой и что-то кричит тебе. Ты весь напрягаешься, чтобы разобрать слова, что кричит дед. Но их заглушает длинный гудок парохода.

И тут ты просыпаешься от звонка будильника. Твоя ночная тельняшка вся промокла от пота. За окном идет дождь. Молчат птицы в саду. Приглушенно работает не выключенный на ночь телевизор. Диктор говорит, что в Средиземном море затонул паром с паломниками, направлявшимися к Гробу Господню.

Река времён

ИНОЙ МИР

Посмотрел в кружку: кипятильник плавает Венецией, пузырьки со спирали выпрыгивают в воду, как водолазы с борта лодки, чай будет сладок и пахуч, красно-карминного цвета. Пришли два молодых человека, глаза красные, рукопожатия обволакивающие: наркоманы, гомосексуалисты, незнакомый мир, просят послать message в другой мир, за океан. За окном на улицах туман, вытянутые силуэты, меж деревьев проходят живые цитаты из Гофмана и Шамиссо – вот иной мир, какого вам еще нужно? Пошлость начинать новеллу с описания природы: XIX век. Соснора иногда начинает с ландшафтов, делает вид, что его это не касается, он не боится пошлости: нобелиат, балтиец, меня многие в мире знают, – знали, все многие уже там, где кущи и несъедаемые плоды. Здесь – только свои: люди, а они ничего не знают. Начинают знать тогда, когда им расскажешь или покажешь. Так устроены. На автобусной остановке пожилая женщина спрашивает, в каком направлении можно уехать с этой остановки. Не знает, что у нас правостороннее движение, а ведь не приезжая. Экспонат музея народного творчества. Туда ходят народники и плачут. Антинародники заходят за злобой. А мы в нем просто живем. Еще одна пошлость: завершать написанное эффектной концовкой. С этим можно бороться только одним способом: вовремя ставить точку. Точка. Конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.